

Венгерские народные сказки

Златорунный баран

Жил на свете бедняк, и ничегошеньки у него не было, зато детишек было больше, чем дырочек в сите. Никак не мог бедняк детей прокормить – один день поедят кое-как, а другой день и вовсе так. Горюет бедняк, не знает, что ему делать.

– Подросли ведь уже, не маленькие, – твердит отец сыновьям, – ступайте наймитесь к кому-нибудь в услужение.

Да только сыновья выросли один другого ленивей, все норовили за отцовской спиной отсиживаться. Хотя все, да не все. Самый малый дельный был паренек, не мог он глядеть на то, как братья его день-деньской баклуши бьют.

– А и верно, подамся я службу себе поискать, – сказал он отцу, – авось и найду что-нибудь подходящее.

Покивал ему отец головой: что бедному человеку делать уйдет сынок, одним ртом будет меньше. И пошел младший сын по свету бродить, по горам и долам. Однажды вечером в селение пришел. Узнал от людей, что живет в том селе богатей, овец у него что звезд в небе, и нужен ему для отары пастух. Пошел паренек к богачу прямо в дом, так и так, рассказывает.

– Ну что ж, – говорит хозяин, – ты в самую пору явился, я ведь только что своего овчара прогнал. Заступай на его место. Ежели целый год в отаре не случится урона, если сбережешь всех овец моих честь по чести, вознагражу тебя щедро, увидишь.

Так и уговорились: ежели через год об эту самую пору ни одна овца не пропадет из отары, даст хозяин за то пастуху барана златорунного, и заживет бедняцкий сын барином – уж такой это баран особенный.

– Будь по-твоему, хозяин, вот моя рука – не свинячья нога, – сказал парень, и ударили они по рукам, как между венграми водится.

Дал ему хозяин свирель сладкозвучную, щедро едою снабдил, и погнал паренек отару в луга. Надобно вам сказать, что хозяин тот три дня за год считал, да вот беда – никак не попадался ему до сих пор пастух, который бы этот год выдержал. А дело-то в том, что пастух должен был днем и ночью отару стеречь, глаз не смыкая, иначе, только задремлет, волки столько овец унесут, сколько бедняку на всю жизнь хватило бы.

Однако наш паренек не дремал, сторожил исправно. А как стала дремота одолевать, вынул он свирельку сладкозвучную и ну играть на ней да наигрывать. Что тут началось! Сколько ни было овец в отаре, все, как одна, пустились плясать. А впереди всех – златорунный баран. Этот баран все возле паренька держался и плясал теперь лучше всех, чинно да красиво, не нагладишься. Так времечко и прошло, год условленный минул, и погнал пастух отару назад; неподалеку от ворот достал он свирель сладкозвучную, заиграл, и овцы, приплясывая, пошли во двор. Посреди двора хозяин стоял и считал овечек. Увидел, что ни одна не пропала, глаза так и заблестели.

– Ну, паренек, я тебе вот что скажу: старость моя уже не за горами, полжизни прожито, а такого пастуха у меня еще не бывало. Отдам я тебе барана златорунного, как обещал, пусть он принесет тебе счастье. Обрадовался паренек, от радости места себе не находит. Распрощался с хозяином чин по чину и со златорунным бараном домой зашагал. Шли они потихоньку, особо не торопились и под вечер добрались до какой-то деревни. Постучался пастух в хороший дом, попросился у хозяина на ночлег.

– Гость в дому – божий дар, – сказал добрый человек, – заходи, сынок, располагайся.

Вошел паренек, но и барана златорунного во дворе не оставил, с собою в дом привел. Уж как его все разглядывали, как любовались! А больше всех – дочка хозяйская, глядела, не могла наглядеться, всю ночь глаз не сомкнула, о баране златорунном думала. И надумала: встала с постели, тихо прокралась к барану, чтобы, пока паренек спит, вывести чудо-барана во двор и где-

нибудь спрятать до времени. Да только что из этой затеи ее получилось? Обхватила она руками барана за спину, а руки-то к руно и приклеились! Обе приклеились – не оторвать. Проснулся парень, видит – девушка к спине барана приклеилась, подумал: «Что ж теперь делать? Надо ведь дальше двигаться, не оставлять же барана... а девушка, коли так, пускай тоже идет».

Сказано – сделано. Вышли все трое на улицу, берет пастух свирель сладкозвучную и давай играть-наяривать. А баран как пошел танцевать, а девушка у него на спине ну ногами приплясывать. Чудеса, да и только, по улице пыль столбом. Какая-то женщина увидела и, как была с лопатой, только-только хлеб в печь посадив, выбежала на улицу и пустилась девицу честить да лопатой охаживать:

– Вот тебе, вот тебе, дуреха безмозглая, и не стыдно тебе, девушке, эдак срамиться? Вот же тебе, вот тебе!

Да только недолго она разорялась, лопатой размахивала. Лопата вдруг – стоп! – к спине девицы приклеилась, женщина – к рукояти, а парень-то знай играет-наигрывает, а баран приплясывает, и девушка – у него на спине, и лопата – у нее по спине, и женщина та бранчливая за лопатой кружится. Так и шли-плясали по улице.

Улицу прошли, видят, церковь стоит, и выходит из церкви священник, а за ним и паства его.

Прихожане смеются, а священник разгневался крепко.

– Нечестивцы,– кричит,– экое позорище учинили, да еще в праздник!

Подбегает он к женщине да тростью ее! Ан единственный раз и ударил – трость мигом приклеилась к спине женщины, сам святой отец к другому концу трости приклеился да и пошел вслед за всеми, приплясывая. Запричитали тут старухи, заохали, руками всплескивают:

– Ох, ох, еще уведут от нас златоуста нашего! Люди, люди, не допустим, отстоим святого отца!

Тут вся деревня поднялась, святого отца догонять кинулась, только б ухватиться да назад оттащить. Да дело-то непростое вышло: кто его ни коснется, тут и прилипнет, и так один за другим. А парень знай на свирельке своей свистит, а баран танцует, и девица у него на спине пританцовывает, лопата по ней пляшет, женщина-крикунья за лопатой кружится, ее самое трость обхаживает, за трость священник цепляется, свое выкаблучивает, а за ним вся деревня ходуном ходит.

Плясали, плясали, так и в город пришли. Город не простой, сам король в нем живет. Завернул наш пастух в корчму, свирель в котомку засунул: пусть-ка передохнет баран златорунный, да и деревня вся тоже.

Стал пастух корчмаря расспрашивать, что за город такой? Корчмарь ему объясняет: королевский город, король здесь живет. Так, слово за слово, и о том рассказал, что король-то шибко горюет из-за дочки своей раскрасавицы: живет королевна на свете, и ни разу не видели даже улыбки на ее светлом личике. Объявил король всенародно, что отдаст свою дочь за того, кто ее рассмешит сумеет, да только напрасны были все старания – королевна по-прежнему унылая и печальная, словно небо в осеннюю непогоду.

«Ладно, – подумал пастух, – надо и мне счастья попытать, вдруг да рассмешу королевну». Пошел пастух к королю. Рядом с ним баран, за бараном вся деревня идет. Танцевать не танцует: не стал пастух свирель на улице вынимать. Во дворце пастух велел доложить о себе королю.

– Хочу,– говорит,– попытаться, может, и сумею королевну рассмешить.

– Что ж, сынок, будь по-твоему,– отвечает король,– попробайся и ты. Но если не сумеешь ее рассмешить, быть твоей голове на колу.

– Эх, государь батюшка,– говорит пастух,– второй жизни не бывать, смертыньки не миновать, будь что будет, а я все ж попытаюсь. Пусть только королевна на терраску выйдет.

С этими словами спустился пастух во двор, а король вместе с дочкой на терраску вышел – стоят

ждут, что там пастух затеял, на какие проделки мастер. А пастух и ждать не заставил. Вынул из котомки свирель сладкогласную да и заиграл на ней. Ох, начался тут пляс, не хватало только нас: танцует баран, на спине у него девица пританцовывает, лопата по ее спине пляшет, женщина-крикунья за лопатой крутится, ее самое трость обхаживает, за трость священник цепляется, свое выкаблучивает, а за ним вся деревня ходуном ходит.

– Свет не видел таких плясок,– веселится король.

Смеется король, а королева, королева-то ему вторит! И придворные все хохочут до слез. Тут баран как подпрыгнет, а потом и еще, да все выше – девица вдруг соскочила с него, лопата в сторону отлетела, женщина-крикунья от лопаты освободилась да и от трости священниковой, священник тоже за трость держаться не стал, тут и вся деревня златоуста своего отпустила – каждый сам по себе в танце кружится, друг перед дружкой выплясывает. Взмолился король:

– Хватит им плясать, не то помру со смеху, и королева моя помрет тоже.

– Ну, коли так, будь по-вашему,– сказал пастух, свирель в котомку упрятал, и тотчас пляске конец настал.

– Слушай меня, пастух-молодец,– сказал король,– за то, что дочку мою сумел рассмешить, бери ее в жены и половину моего королевства в придачу.

Призвали священника деревенского к королю, домой не пустили, и он вмиг молодых обвенчал.

Пировала во дворце на свадьбе и вся деревня, цыгане пришли, и их за стол усадили. А молодой король, пастух бывший, тотчас велел кареты шестериком запрячь и послал их за отцом своим да за братьями. Добром щедро с родней поделился, всех в люди вывел. Так и живут они в тех краях, коль не померли.